

21

ОКТАБРЯ 1930 года Северянин с женой выехали из Эстонии в Югославию.

При короле Александре отношение к русским в стране было братское. Недавно в Белграде прошёл съезд писателей-эмигрантов (присутствовали: В.И. Немирович-Данченко, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, А.И. Куприн, Б.К. Зайцев и др.), и Северянину оказали не менее теплый прием. Его белградские дни были расписаны на неделю вперед: что, где, когда. Он выступил со стихами в университете, читал в Русском научном институте лекции («Первая книга Фофанова», «Эстляндские триолеты Сологуба»), читал новый роман в стихах «Рояль Леандра». Державная комиссия приобрела для издания рукописи поэта и командировала его в русские кадетские корпуса и женские институты. Ему выдали бесплатные билеты первого класса для проезда по всей Югославии в течение трех месяцев.

ИГОРЬ СЕВЕРЯНИН В ЮГОСЛАВИИ И В ПАРИЖЕ

В середине января через Сараево, дав там вечер стихов, Северянин с Феликсом Круут прибыли в Дубровник. На перроне вокзала к ним подошел среднего роста мужчина и представился поэту:

— Полковник Генерального штаба Александр Владимирович Сливинский. Узнал из газет, что сегодня утром вы приезжаете в Дубровник, счел своим долгом вас и вашу спутницу встретить и просить оказать мне и моей жене честь остановиться у нас в доме. Мы живем по правому берегу моря, в трех километрах отсюда. Моя машина — в вашем распоряжении...

Вилла «Флора мира» утопала в саду: апельсины, лимоны, миндаль, розы, глицинии. С открытого балкона открывался вид на море: синел вдали весь покрытый лесом остров Локрум, в высоко чистом небе сияло яркое солнце Далмации. К утреннему кофе вышел из своей комнаты гость Сливинских — Василий Витальевич Шульгин, бывший член Государственной Думы, поклонник северянинской Музы. Завязалась оживленная беседа.

Когда-то в Дубровнике «блистала загадочная и приманчивая соперница Екатерины Великой — Dame d'Azow». Она выдавала себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны и вошла в русскую историю как княжна Тараканова. Гостям показали палатку, где она жила. Известно, что граф Алексей Орлов получил от Екатерины тайный приказ: привезти в Россию претендентку на престол. Орлов заманил принцессу Азовскую на корабль, где обвенчался в ней. Тотчас после венчания он арестовал ее и держал в отдельной каюте. По приезде в Санкт-Петербург она была заключена в Петропавловскую крепость. На своем вечере в Дубровнике Игорь Северянин прочел о ней стихи:

*И кто б ты ни был, призрак смутный:
Дочь Разумовского, княжна ль,
Иль жертва гордости минутной,
Тебя, как женщину, мне жаль.*
«Dame d'Azow»

В открытом автомобиле вдоль Адриатического моря совершили пробег в Черногорию, в Цетинье. «Перевал через Ловчен, — писал Северянин, — навсегда останется в моей памяти: двадцать восемь зигзагов, каждый километр длиной 2 800 фут. над уровнем моря. Сверху Катарро казалось нам игрушечным городком, церкви были не более спичечного коробка! Внизу — тропическая природа, на вершине — снег и десятиградусный мороз. На обратном пути на одном из зигзагов мы едва не погибли. Южное солнце склонялось к закату, разогреть им снега стали вновь застывать, образуя гололедицу. Задние колеса автомобиля занесло к самому обрыву. Сливинский мгновенно, в последнюю минуту остановил мотор. Воцарилась зловещая тишина: казалось, мы были обречены.

— Не шевелитесь, — тихо и повелительно сказал он.

...Рискованным рывком Александр Владимирович даровал себе и нам жизнь!..»

Это было не единственным испытанием, выпавшим им в Югославии.

Возвращались в Белград; поезд в горах застала сильная гроза. На перроне Мостар — Яблоницы на железную дорогу упала подмытая ливнем часть скалы. Машинист при повороте не успел разглядеть опасность, и на всем ходу поезд врезался в камень. К

счастью, поэт и жена отделались ушибами. Когда они выбрались из вагона, глазам их предстало впечатляющее зрелище: состав остался на полотне, а внизу насыпи, у речки Неретвы, лежал паровоз, разбитый в щепы багажный вагон и вздыбленный первый, где были они. Мелькали во тьме факелы. Перекинулись тревожно голоса. Кричал смертельно изувеченный машинист...

Весь февраль 1931 года они провели в Париже.

Русская эмигрантская поэзия находилась к этому времени на трагическом взлете. Вышел том «Избранные стихи» Ивана Бунина. Ходасевич писал в «Возрождении»: «В своей поэзии Бунин сумел сделать много прекрасного. Как не быть ему благодарным?»

В Париже, Праге, Белграде издал новые книги Константин Бальмонт. Настроение стареющего поэта передает стихотворение «Здесь и там»:

Игорь СЕВЕРЯНИН.

*Здесь гулкий Париж —
и повторны погудки,
Хотя и на новый, но ведолый лад.
А там на черте бочагов — незабудки,
И в чаще — давнишний алкаемый клад.
...Здесь вежливо холодно к Бесу и Богу,
И путь по земным направляют звездам.
Моло тебя, Вышний, построй мне дорожку,
Чтоб быть мне хоть мертвым
в желаемом Там.*

В цикле «Европейская ночь» (в «Собрании стихов») Владислав Ходасевич остро переживал «одинокость — в раме говорящего правду стекла» и, показав читателям уродства земного пути, бесстрастно заявлял:

*Счастлив, кто падает вниз головой:
Мир для него хоть на миг — а иной.*

Лидером эмигрантской поэзии считался Георгий Иванов. Нежность, переходящая в сарказм, элегические воспоминания о Петербурге, гнетущее чувство безысходности — мотивы его лирики:

*Так черные ангелы
медленно падали в мрак,
Так черною тенью
«Титаник» клонился ко дну,
Так сердце твоё оборвется
когда-нибудь, так
Сквозь розы и ночь, сквозь снега и весну...*

В Париже вышла книга Марины Цветаевой «После России». Удержать в памяти, сохранить в слове Родину — главный ее эмоциональный стержень:

*Покамест день не встал
С его страстями стравленными,
Из сырости и шпала
Россию восстанавливаю.*

*...Из сырости и стай...
Еще вестями шальными
Лжсет воронья сталь —
Еще Москва за шпалами!*
«Рассвет на рельсах»

Среди молодых поэтов русского Монпарнаса выделялись своими схожими голосами Владимир Смоленский, Антонин Ладинский, Анатолий Штейгер, Борис Поплавский. 12 февраля в зале Дебюсси (8, rue

Daru) прошло первое выступление Игоря Северянина. Программа чтения состояла из трех частей:

I «Там, у вас на земле» (ирония).

II «У моря и озер» (лирика).

III «Чаемый праздник» (стихи о России).

Как писал в рецензии Николай Оцуп: «...появление Северянина в Париже оказалось нужным именно потому, что в сущности он несколько не изменился, т. е. не утратил своего непосредственного дарования... Быть может, как в свое время рядом с голосами умных и образованных литераторов должен был само собой звучать и этот голос, — полезно было услышать его и теперь в Париже. Я не хочу этим сказать, что прошлые и нынешние поэты, обладающие высокой культурой, лишены вдохновения. Но, быть может, никому за последние два десятилетия не было столько отпущено, сколько Северянину. У него в поэзии легкое и от природы свободное дыхание» («Северянин в Париже», «Числа», № 5).

В Париже поэт встретился со старыми знакомыми и обзавелся новыми. Свою помощь в распространении его книг обещала Надежда Тэффи. Для журнала «Числа», сочетавшего принципы акмеизма с европейским искусством модерна, Оцуп отобрал пять стихотворений Северянина.

Посетили Алексея Михайловича Ремизова, перенесшего свои чудачества с берегов Невы на берега Сены. В его комнате на ниточках, прикрепленных к потолку, висели бумажные чертенята. Себя он считал архивариусом Обезьянней вольной палаты, куда заносил имена знакомых писателей и деятелей культуры, выдавая им соответствующие «грамоты». Северянину он подарил свои книги. На «Посолони» начертил следующую дарственную: «Фелиссе Михайловне, Игорю Васильевичу Лотаревым-Северянином с русской земли земно-воздуховодные хвосты и крылатые, Алексей Ремизов 12.11. Paris».

Петербургская актриса и танцовщица Ольга Глебова-Судейкина принимала Лотаревых у себя на восьмом этаже. Она жила в комнате для прислуги, где летали на свободе пестрые канарейки. Северянин по этому поводу сочинил экспромт:

*В миллионном городе совсем одна:
Душа хоть чья-нибудь так нужна!
Ну вот, завела много певчих птиц —
Былых ослепительных неблиц...*

Познакомились с четой Юсуповых: с князем Феликсом Феликсовичем и княгиней Ириной. Они были красивой парой. «Милые, простые люди, — писал Северянин, — очень любят искусство вообще, мои стихи в частности».

Второй вечер Игоря Северянина состоялся 27 февраля в зале Шопена (8, rue Daru). Программа была иной, чем в зале Дебюсси:

I «Классические розы» (новая лирика).

II «Медальоны» (12 характеристик).

III «Громкопящий кубок» (лирика довоенная).

Свои впечатления от вечера изложила в «Неотправленном письме Игорю Северянину» Марина Цветаева:

«От лица правды и поэзии приветствую Вас, дорогой.

От всего сердца своего и от всего сердца вчерашнего зала — благодарю Вас, дорогой.

Вы вышли. Подымаете лицо — молode. Опускаете — печать лет. Но — поэту не суждено опущенного! — разве что никем не видимый наклон к тетради! — все: и негодование, и восторг, и слушание дали далей! — вздымает, заносит голову. В моей памяти — и в памяти вчерашнего зала — Вы останетесь молодым.

...Вы выросли, Вы стали простым. Вы стали поэтом больших линий и больших вещей, Вы открыли то, что отродясь Вам было приоткрыто — природу, Вы, наконец, раз — нарядили ее...

И — последнее. Заброс головы, полузакрытые глаза, дуга усмешки и — напев, тот самый, тот, ради которого... тот напев — нам как кость или как цветок... Хотели? нате! — в уже встающий — уже стоящий — разом вставший зал».

Из дождливого Парижа через заснеженную Германию, Ковно и Ригу вернулись в Тойла 4-го марта. В воздухе чувствовалось приближение весны, дни стояли солнечные, шло дружное таяние. С нетерпением ожидал Северянин, когда вскрыется ото льда речка и пойдет лосось: готовил удочки.

Михаил ШАПОВАЛОВ

г. ПОДОЛЬСК,
Московская обл.